

Вадим Слуцкий

**ЗАПИСКИ
ОБ ИЗРАИЛЕ**

Путевые заметки и статьи о евреях
и Израиле

Вадим Слуцкий
Записки об Израиле.
Путевые заметки и статьи
о евреях и Израиле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257729

ISBN 9785448524639

Аннотация

Книга представляет собой размышления автора о современных евреях. В сборник вошли путевые заметки «Записки об Израиле» (2012), а также статьи разных лет.

Содержание

02/04/2012	5
03/04/2012	12
04/04/2012	24
05/04/2012	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Записки об Израиле
Путевые заметки и статьи
о евреях и Израиле

Вадим Слуцкий

© Вадим Слуцкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2463-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

02/04/2012

Я приехал в Пулково поздно вечером.

Огромное здание аэропорта из стекла и бетона с высокой крутой двускатной крышей. Вокруг – ни кусочка земли, ни кустика: асфальт, гранит, рекламные щиты, современные высотные здания, огни реклам. Двери в аэропорт раскрылись сами и пропустили меня внутрь. Там всё почти так, как снаружи: чисто, красиво, холодно, безжизненно, бродят девушки в форме и полицейские – что все они там делают, понять трудно. Людей почти не видно.

На втором этаже я нашёл кафе, и там стояли и болтали две хорошенькие холёные девушки. Цены в этом кафе такие: стакан чая – 200 руб., пирожок – 150 руб. Ещё на первом этаже есть аптека. Больше ничего такого, что предназначалось бы для людей, я в громадном здании аэропорта не обнаружил. Ну, кресла там есть, можно посидеть. Туалета не оказалось. Как потом выяснилось, он есть, и даже роскошный, но добраться до него можно, только пройдя контроль и оказавшись во внутренних помещениях аэропорта, куда начинают пускать за 2 часа до вылета. В общем, в этом роскошном здании можно погибнуть – никто и не заметит.

А потом прибежали бродячие собаки, две. Два рыжих пса. Один зашёл в здание – двери пропустили его – и лег возле полицейского поста. Там тепло, хорошо. А другой – остался

снаружи.

Тощий такой, робкий пёсик. Я хотел его накормить, купил ему два пирожка с мясом и вынес. Но он боится людей. Убежал и даже не прикоснулся к пирожкам. Я отошёл и стал наблюдать за ним. Он лёг – прямо на гранитную плитку, которой вымощена площадь перед зданием аэропорта. Было около ноля, уже совсем темно, шёл мокрый снег. Когда рядом проезжала машина, пёс вздрагивал, оглядывался. Потом, положив голову на лапы, пытался дремать, но машины мешали ему.

В этом царстве стекла, бетона и неоновых огней он казался единственным реальным, подлинно живым, существом. Единственным понятным, близким и родным. Но я не мог к нему даже подойти: он убегал. Он боялся людей, не доверял им. Видимо, были на то основания.

Я попытался ему посвистеть, не надеясь ни на что, просто так, но не услышал своего свиста: над аэропортом взлетел самолёт. Он развернулся прямо над зданием, на высоте, как мне показалось, 200—300 метров, и очень медленно улетел. Потом – через несколько минут – так же взлетел второй.

Ни на эти самолёты, ни на собаку, так странно чуждую всему, что её тут окружало, никто не обращал внимания. Один из охранников аэропорта сонно курил под козырьком у входа, несколько парней азиатской внешности о чём-то вяло переговаривались, потом ушли.

Никому не было дела до этой собаки, никого она не инте-

ресовала, кроме меня.

Самолёт мой вылетел около 2 часов ночи.

Было холодно, крылья обработали антиобледенителем.

Темно, только горят там и сям разноцветные огоньки. Рядом с самолетом стоит девушка, у неё на груди тоже горят, вспыхивая и угасая, огоньки. Ездят странные машины. Одна из них – с манипулятором в виде огромной человеческой руки – тоже вся в горящих огнях – подъехала к нашему самолёту, и этот манипулятор, как у Булгакова, вытянулся, дотянулся до крыла и стал обрызгивать его, двигая стальной кистью, как живой.

Потом самолет очень долго двигался среди голых поле й, где горят ряды голубых огоньков, красные и зеленые лампочки, какие-то таблички с непонятными цифрами.

Совершенно фантастическая картина: как в романах Ле-ма или Стругацких. Всё сбылось, как они предсказывали.

А потом мы летели. Ночью. Облаков не было, всё видно внизу. На невероятной глубине под нами – озера, ручейки, целые моря огоньков. Какое-то космическое зрелище. Эта мощнейшая машина, крылатый дракон, в чреве которого умещается больше 400 человек, ревя, летит с огромной скоростью чуть ли не в стратосфере. Упадёт – даже мокрого места не останется ни от кого из нас.

А в салоне выдвинулись телевизоры, начался показ какого-то пошлейшего триллера. Стюарты развозили напитки

и закуски, и весь салон дружно жевал ипил. Никого не интересовало космическое зрелище – там, за окнами, в бездонной тьме. Никакого трепета никто не испытывал. Все чувствовали себя так, словно ехали на автобусе с работы. Одни кушали – другие их кормили.

Когда мы подлетали к Тель-Авиву, начинался рассвет (было 6 часов утра). Небо зарозовело, по земле стлался легкий туман. В городе горели огни, и уже видны были отдельные дома и даже проезжающие по дорогам крошечные машины. Картина была чудесная.

В аэропорту Бен-Гуриона меня ждали родные: Арон и Фая. Ждали давно: самолет вылетел на полтора часа позже и сильно опоздал.

Но паспортный контроль я долго не мог пройти, потому что сидевшая в стеклянной кабинке маленькая, черненькая женщина, типичная местечковая еврейка, ни слова не знала по-русски. Она ткнула в сторону пальцем: дескать, стойте здесь. Потом пришёл какой-то человек, тоже не понимавший по-русски, и отвёл меня во внутренние помещения аэропорта, где в маленькой комнатке сидела дама, слава Богу, более-менее говорившая на моем родном языке. Её интересовало только одно: зачем я прилетел в Израиль. Я начал ей рассказывать, к кому я прилетел, но она меня не слушала. Смотрела сквозь меня. Вообще непонятно было, зачем меня к ней привели, зачем я столько ждал. Потом она просто отвернулась от меня и бросила на стол мой паспорт. Я его

взял и спросил, куда мне идти: не запомнил, как меня сюда вели. Она ничего не ответила. Я повторил свой вопрос три или четыре раза. Наконец, видя, что я не отстану, она махнула рукой: «Прямо идите!» И опять отвернулась.

И вот, наконец, выход – и я вижу Фаю и Арона, сидящего на какой-то сумке у роскошного фонтана. Огромный зал – неотличимо схожий с Пулковским. Такие же лестницы, стекло, бетон.

И мы стали выбираться из аэропорта.

Надо сказать, я таки порадовался за Бен-Гуриона, что он не дожил до 2012 года и не видит этого замечательного аэропорта своего имени. Во-первых, там очень легко заблудиться. А ведь Арон и Фая владеют ивритом, они уже 20 лет в Израиле. Во-вторых, автобус почему-то всё не шёл, пришлось брать такси. Это тоже оказалось непросто: стояла очередь, пришлось долго ждать. Сесть там негде, а Арону 85 лет. Он всё это время громко восхищался зданием аэропорта: как оно замечательно построено. Арон – инженер-строитель, и очень хороший, так что я ему верю.

Наконец, мы сели в такси.

Уже было совсем светло, и солнце основательно припекало. Мы ехали по прекрасно оборудованному скоростному шоссе.

И вот Реховот, вернее, пригород Реховота – Кирьят-Моше. Дом, в котором живут, в основном, выходцы из Эфиопии. Замусоренная лестница. Ива открыла нам дверь. Я

не видел её 20 лет. И всё остальное утратило для меня какое-то значение.

Вот такие они – современные люди. Они летают в небесах, как птицы, покоряют пространство и время, строят фантастические машины и занимаются их обслуживанием, облизывают эти машины, прислуживают им. И очень гордятся своим могуществом, выраженным в этих могучих и умных машинах.

Но при этом они не научились по-человечески относиться ни к животным, ни друг к другу, ни даже к самим себе.

Они считают очень важным, чтобы в самолёте, летящем от Петербурга до Тель-Авива 4 часа, подавалась горячая пища и разнообразные напитки, и стюарты, солидные люди, похожие на университетских профессоров, спрашивают каждого, кто что будет пить и есть – и каждому подают то, что тот захочет.

А когда я выходил из самолёта (я сидел ближе к хвосту), весь салон был засыпан мусором. Такой живописный развал из бумажек, пластмассовых стаканчиков, обрывков полиэтиленовых пакетов. Будто специально кто-то прошёл, этакий сеятель, и всё это посеял. И выходящие – те самые сеятели – вежливо благодарили стоявшего у выхода пожилого вежливо улыбающегося стюарта: «Тода раба!» Видимо, и за то благодарили, что ему придётся убирать всё, чего они тут насви-нячили.

Удивительные существа!

Как-то само собой сложилось такое словосочетание: «Мир гедонизирует».

Мой любимый писатель Сент-Экзюпери как-то заявил о своём желании «быть уволенным с должности нашего современника». У меня тоже есть такое желание. Но некуда деться, к сожалению.

Так уж довелось – жить и умереть в сумасшедшем доме.

03/04/2012

Нигде так не пекутся о безопасности, как в Израиле.

При посадке в самолет мы очень долго ждали разрешения пройти досмотр. Вылет почему-то задерживался; никто не объяснил, почему. Была уже глубокая ночь. Пожилые люди, измученные ожиданием, дремали в своих креслах.

Наконец, двери раскрылись, и охранник-израильтянин, не говоривший по-русски, жестом пригласил нас пройти внутрь.

Сначала каждый должен был подойти к крошечному столику-пюпитру, показать свой паспорт и билет и ответить на вопросы сотрудника службы безопасности авиакомпании «Эль-Аль». Мне попался крупный, солидный, в меру упитанный молодой человек, прекрасно говоривший по-русски. Бросая на меня цепкие, пронизательные взгляды, он очень подробно расспрашивал, а принимаю ли я участие в жизни еврейской общины Петрозаводска (я ответил, что нет, поскольку никакой еврейской общины в Петрозаводске нет, – этот ответ, как ни странно, вполне удовлетворил моего оригинального собеседника, и развивать эту тему он не стал), а знаю ли я идиш и иврит (нет, не знаю); более того, он поинтересовался, а знала ли эти языки моя мама (которой уже нет за Земле, о чём я успел ему сообщить). Также его инте-

ресовало, как я отношусь к еврейскому народу. Признаюсь, хотя я легко общаюсь с какими угодно людьми и за словом в карман обычно не лезу, тут я стал в тупик. В конце концов, я ничего не придумал лучшего, как ответить, что так как я сам – часть еврейского народа, то и отношусь к нему примерно так, как к самому себе. Это он тоже выслушал с бесстрастным лицом и как именно я отношусь к себе (а значит – и к еврейскому народу), уточнять не стал. Вообще мне показалось, что его цель – задать определенные заученные до автоматизма вопросы и выслушать ответы. Само же содержание моих ответов его не интересовало.

Весь этот увлекательный разговор продолжался около 5 минут, а остальные пассажиры, замученные, полусонные, ждали стоя, пока серьёзный молодой человек выяснит, знала ли иврит моя мама и достаточно ли я люблю еврейский народ.

Какое всё это имеет отношение к безопасности, понять трудно, если вообще возможно.

Единственный дельный вопрос, заданный мне: к кому я еду, как зовут этих людей и где они живут. Если я террорист, то, конечно, правильно укажу адрес своего проживания в Израиле, и меня легко будет найти и обезвредить.

Тем не менее, молодой человек из службы безопасности произвёл на меня приятное впечатление своей сытостью и благоустроенностью. Он очень уверенно держался. На толстом его пальце сверкало тоже толстое, основательное золо-

тое обручальное кольцо. У него была прекрасная, чистая, идеально выглаженная белая рубашка. Галстук. Очень положительный молодой человек.

После общения с ним последовал собственно досмотр. Надо зайти в небольшую комнатку, где кишмя кишат люди в форме: и женщины, и мужчины – так что места остается очень мало. Стоят три или четыре стула. Нужно снять всю верхнюю одежду и обувь и сложить в пластмассовые коробки, а коробки поставить на транспортёр. Туда же отправляются все вещи, какие есть при себе, включая мобильный телефон. Потом проходим через рамку металлоискателя, за ней стоят молодой человек, похожий на паука, и девушка, похожая на толстую муху, оба – в синих перчатках. Все должны поднять руки (хэндэ хох! – как говорят немцы), и муха с пауком всех ощупывают (он – мужчин, она – женщин), проводя ладонями почти по всему телу, включая ноги.

Всё это почему-то надо проделывать в достаточно высоком темпе.

Люди в форме ни на кого не смотрят, бросают только отрывистые команды – хорошо ещё, что по-русски.

Потом, одевшись и обувшись, тоже очень поспешно, пассажиры размещаются в небольшом помещении, где кресел не хватает на всех, и опять ждут.

Прибыл какой-то рейс. Охранники закрыли двери: часть пассажиров нашего самолёта, ещё не успевшая пройти досмотр, осталась по ту сторону стеклянных дверей, часть –

по эту. Люди, только что прилетевшие, гуськом, друг за другом, идут по проходу. Мы смотрим на них. Охранник-израильянин, стоя у двери, рукой показывает, куда им идти, не глядя на них. Быстро, быстро! Надо идти быстро!

Что-то это мне напоминало, но я долго не мог сообразить, что именно. Потом догадался: концлагерь! Ну, конечно.

Только это гуманный, либеральный концлагерь. Однако не изменивший свою суть, состоящую в лишении людей свободы и инициативы, превращении их в щепки, несомые направляемым кем-то потоком.

Там целью было физическое уничтожение, здесь – физическое процветание. Но сущность человека, его свобода, уничтожалась и там, и тут.

Почти через 3 часа после официального начала процедуры паспортного контроля и досмотра мы все, наконец, сидели в самолёте.

Любопытно, что у меня в сумке была литровая бутылка воды, ещё непотая. Хотя тот самый сотрудник службы безопасности сообщил мне, что иметь с собой более 100 мл жидкости запрещено, я оставил эту бутылку у себя, так как страшно хотел пить. В самолётах же я давно не летал и не знал, что там подают разнообразные напитки.

Бутылка эта так и осталась в моей сумке. Во время грандиозного шмона её не заметили и не вынули, и я так и ехал с этой запрещённой ёмкостью, даже доставал её, пил из неё –

на глазах у стюарта, не обратившего на мои криминальные действия никакого внимания.

Странно! А если у меня в бутылке нитроглицерин?

Зачем же было всё это устраивать: мучать и унижать людей?

Впрочем, я не прав. Израильтяне – не чемпионы по этой части. Оказывается, после 11 сентября американцы стали так досматривать пассажиров самолётов, что далеко переплюнули израильтян. Они, говорят, чуть не до трусов раздевают.

Вот это забота о безопасности, я понимаю!

В Израиле ни в один крупный магазин, ни в одно общественное здание невозможно пройти иначе, как через рамку металлоискателя – или отдав свою сумку охраннику на проверку, а охранник торчит у каждой двери.

Охранников в Израиле, по моим впечатлениям, не меньше, чем солдат. Это, видимо, главная профессия в этой удивительной стране.

Однако безопасней в Израиле почему-то не становится. Наоборот. Говорят, на кладбище на Масличной горе (где похоронен мой дедушка) невозможно попасть: не пускают – опасно. В Иерусалим ехать тоже рискованно – а 20 лет назад вроде бы туда ездили вполне свободно.

Странно.

Но израильтяне ничего странного во всём этом не находят.

Действительно: сколько создано рабочих мест! Ну, то есть, может быть, они и не вполне «рабочие», поскольку никакой работой занимающие их молодые, крепкие ребята не занимаются. Но зарплату (вернее, ЗРЯПЛАТУ) они получают! Что и требуется доказать.

Забота о безопасности – золотая жила. А то, что на подлинную безопасность все эти героические усилия или не влияют, или влияют отрицательно – неважно. Не в том подлинная цель.

Моя родственница Фая, работающая в банке в Тель-Авиве, рассказала, что израильтяне необычайно агрессивны. Приходит человек в банк и сразу принимает позу бойцового петуха. Дескать, вы меня не проведёте, я тёртый калач! Только спустя какое-то время, убедившись, что никто его не собирается надувать, клиент отмякает.

Над домом, где живут мои родные, в пригороде Реховота, постоянно воют самолёты. Это беспилотники патрулируют Сектор Газа. Почти целый день стоит этот вой: к нему привыкли и не обращают на него внимания.

Сколько же нужно денег на это патрулирование?

В то же время ни у одного из израильтян нет ни малейшего интереса к арабам. Никто не пытается познакомиться с азами их культуры, понять их. Все израильтяне высказываются об арабах презрительно и недоброжелательно.

Что-то это опять же мне напоминало. Потом я вспомнил:

очень похоже на отношение белых к неграм в южных штатах США.

Но такое отношение одних людей к другим никогда не бывает связано с тем, что те, другие, нехорошие. Оно всегда вызвано ошибками, нечеловеческим поведением и даже преступлениями, совершенными как раз теми, кто так презирает этих других, – и именно в отношении этих других. «Мы ненавидим людей за то зло, которое им делаем».

Милейший человек, Гарик, сын моей родственницы Софы, проезжая в своей машине по центру Реховота (он вёз нас к своей маме), увидел сидящих за столиком в кафе трех молодых африканцев. «Что, эти папуасы уже здесь?» – спросил он презрительно.

Любопытно. Хотели собрать на исторической родине евреев, а получили разные этнические группы, враждебные друг другу.

Вскоре после приезда мне случайно попала на глаза статья в русскоязычной израильской газете «Вести» (от 05.04.2012). Называется статья – «Брат мой». Так на иврите обращались друг к другу мальчики из соседних дворов. Один из них – «русский», сын выходцев из бывшего СССР: родители его музыканты, мама работает профессором консерватории в Беэр-Шеве. Этого мальчика зовут (вернее, звали) Филипп Геллер. Остальные – сабры.

Филипп, родившийся в Израиле, прекрасно говоривший на иврите, очень хотел стать своим в дворовой компании –

но его всё равно считали чужаком. Однажды он поссорился со сверстником из соседнего двора. Тот пошёл домой, взял большой нож, спустился во двор, пырнул Филиппа ножом и спокойно ушёл. Остальные просто разбежались. Филипп истёк кровью и погиб. Ему было 15 лет.

Какие трогательные нравы!

Впрочем, эскалация ненависти, паранойяльной подозрительности, недоброжелательности ко всем, кто отличается от тебя языком, происхождением, цветом кожи, неизбежно должна приводить именно к такому результату.

Израиль – богатая страна. Израильские школьники сплошь и рядом колесят по всему миру. То и дело мне говорили, что та девушка – сейчас в Непале, другая – в Индонезии, тот – в Перу. Но никогда я не слышал, чтобы кто-то в Израиле попытался создать, допустим, благотворительный Фонд помощи палестинским детям. Не потому даже, что они так уж нуждаются в помощи. А просто, чтобы родители этих детей поняли: израильтяне – тоже люди, они способны по-человечески относиться не только к себе, но и к другим. Ведь Зло следует побеждать Добром. Но никому в Израиле это не приходит в голову.

Везде в Израиле, над каждой улицей, протянуты тросы с бело-синими флажками (цвета израильского флага). Израильские флаги со звездой Давида висят на заборах домов, на балконах. В одном месте я видел огромный израильский флаг прямо над самодеятельной мусорной свалкой. Мусор

никто не убирает – но флаг висит.

Не думаю, что это подлинный патриотизм. Подлинные чувства не выставляются напоказ. Они проявляются тогда, когда в них есть необходимость.

Скорее, об израильтянах можно сказать, что они пытаются убедить себя в своём патриотизме, но не очень выходит. Хотят искусственно взбодрить, наэлектризовать себя, уверить себя в своей правоте. А раз так сильна потребность в этом, значит на самом деле не очень-то они верят в неё.

Но почему? Ведь и в самом деле – там, где была пустыня, теперь «цветущий сад». Построены города. Выиграны все войны. Беспомощный народ-жертва создал мощную армию. Иврит – снова живой язык, родной для сотен тысяч израильтян.

Почему же нет уверенности, нет спокойного сознания своей правоты?

Может быть, потому, что всё это достигнуто за счёт отказа от себя? От своей культуры, своих собственных, еврейских, ценностей и норм поведения?

Недавно в России и в Израиле случились две очень похожие истории.

В Москве, в Храме Христа Спасителя (бывшем бассейне), группа девушек записала клип «Богородица-Дева, Путина прогони!» Т.е. видео сняли в храме, а звук добавили потом. В храм они зашли, когда там никого не было, никто их не задерживал. А потом этих девушек арестовали, они в СИЗО,

им грозит до 7 лет тюрьмы. Чего же добились их гонители? Сделали этих девушек мировыми знаменитостями. Создали им множество сторонников. О «пусях» (так почему-то называется сия замечательная «панк-группа») судачат теперь все «властители дум»: журналисты, политики, писатели.

Израильская история. Гюнтер Грасс, пожилой немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, написал стихотворение, осуждающее политику Израиля в отношении Ирана. Израильское правительство страшно вскипятилось, запретило бедному Грассу въезд в Израиль – и тем самым привлекло к его стишку всеобщее внимание. В Германии даже прошли демонстрации в защиту угнетенного Гюнтера.

И у русских, и у израильтян – тот же комплекс. Русские отказались от своей, европейской, культуры, заменив её культурой монгольской, азиатской. Отсюда – от измены самим себе – неуважение к себе, патологическая детская обидчивость и глупое и неадекватное поведение.

У израильтян – то же самое. Они предали самих себя, отказались от своей культуры, приняв как свои ценности и нормы культуры западной – после чего стали естественным образом себя презирать. И есть за что. Но признать свою ошибку они не хотят. И поэтому выхода для них нет.

«Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому».

Можно воздвигнуть бронированный купол над всем Из-

раилем. Убить всех арабов, а заодно вообще всех, кто недостаточно доброжелателен к Израилю (вроде Гюнтера Грасса, которого Израиль уже назвал «антисемитом»). Но ничего не изменится, потому что проблема – не вовне, а внутри. В самих израильтянах. А этого никто не хочет замечать.

Так что с безопасностью в Израиле дела будут ещё долго обстоять именно так, как сейчас. То есть, с одной стороны, плохо, но, с другой стороны, хорошо.

Плохо – в том смысле, что в любой точке Израиля с вами может случиться что угодно. В спокойном Реховоте, где живут мои родные, недавно была воздушная тревога. Могут обстрелять, могут взорвать. Или просто зарезать ни с того ни с сего – как Филиппа Геллера.

Но, с другой стороны, как грибы после дождя будут расти должности для офицеров спецслужб, военных и охранников, и им будут всё больше платить – потому что угрозы нарастают и ответные меры нужно усиливать. Значит, у сотрудников служб безопасности в ближайшие годы всё будет хорошо и даже очень хорошо.

Собственно, из каких установок – пусть и не провозглашаемых явно – исходят радетели за безопасность?

- 1) Все люди – потенциальные террористы.
- 2) Отличить террориста от нетеррориста, пока теракт не совершен, невозможно, поэтому каждого нужно тщательно проверять, проявлять бдительность, подозрительность

к каждому и никогда не успокаиваться.

Надо сказать, эти установки, когда их вытаскиваешь из тьмы подсознания на свет Божий, явно отдают клинической паранойей. А паранойя – психическая болезнь, и чем бы она ни была вызвана, это проблема самого больного – а не тех, кто, по его мнению, ему угрожает.

Параноик – до тех пор, пока он не вылечился – всегда найдёт, кого ему бояться, с кем враждовать, кого обвинять. Параноиками, между прочим, были Иван Грозный и Сталин. Среди израильтян тоже много параноиков, и всё израильское общество явно склонно к паранойе.

А это, повторяю, проблема самих больных. Лечиться надо! – как правильно говорят в подобных случаях.

Вот где на самом деле ключ к безопасности Израиля. Отрефлексировать свои комплексы, признать и исправить свои ошибки.

Но пока этого никто не делает и делать не собирается. И значит – всё так и будет идти, как идёт. Терроризм будет расти, «безопасность» (в смысле – оклады и количество «рабочих мест» в службах безопасности) тоже.

Израильтяне хотят продолжать враждовать и ненавидеть – и одновременно обеспечить свою безопасность. Это невозможно.

Страна, построенная на вражде и ненависти, безопасной быть не может.

04/04/2012

Что по-настоящему радует в Израиле: израильтяне хорошо питаются.

Мои родные, у которых я жил, получающие социальные пособия, едят на завтрак красную икру. У них я впервые попробовал авокадо. Другие мои родственники по случаю начинающегося Песаха угощали меня всяческими разносолами, в том числе блюдами из мацы. Боже мой! Блуждая по пустыне, древние евреи и не подозревали, что можно приготовить из мацы! Вкуснейшие вещи, должен вам сказать! Ну, конечно, там не только маца, там много чего другого. Но ведь вкусно, черт возьми!

Мария Яковлевна и Александр Островские – она учитель русского языка, он инженер-строитель – вечером повезли меня ужинать в ресторан, но не в своём городе (они живут в Петах-Тикве). Мы поехали в Герцлию. Ресторан – на берегу моря, но самого моря нет: яхты у берега пришвартованы так плотно друг к другу, что не видно воды. Яхт там тысячи. Мы ели дары моря, рыбу, салаты.

Представляете: инженер и учительница, чтобы покушать, отправляются на своей машине в другой город, в ресторан на берегу моря. И это не день рождения какой-то – ну, может, они хотели побаловать меня, им казалось, что мне это понравится. Но показалось всё-таки, что это для них не что-

то из ряда вон выходящее.

Когда встал вопрос об ужине, Мария Яковлевна сказала: «Что, я буду ещё что-то сейчас готовить?» Это было утверждение в форме вопроса. Это были слова глубоко уважающего себя человека. Ну, конечно, как можно что-то ещё готовить, когда уже вечер?! Было шесть часов. Как может уважающая себя учительница что-то ещё готовить в такое время? Гораздо проще поехать в Герцлию – город дорогой и роскошный, где обитают многие богатые люди – покушать в ресторане на берегу моря.

Всё, что нам подавали, мы, конечно, не съели. Там нужен был Гаргантюа, чтобы всё это съесть.

Почему-то запомнилась мне сидевшая у входа в ресторан девушка. Она сидела на высоком стульчике за крошечной конторкой, на которой лежали толстая тетрадь и ручка. Очень хорошенькая, ухоженная девушка со сладкой улыбкой на лице. Нам она тоже улыбнулась и что-то сказала. И странно: я совершенно не понимаю иврита – но я понял, что она сказала. Какая-то стандартная фраза, вроде «Заходите к нам ещё». Голос у неё – как клубничный джем.

И однако, я уверен, что эту благоустроенную девушку мы интересовали как прошлогодний снег (или как прошлогодний хамсин – поскольку снега в Израиле не бывает). Заходите к нам ещё и приносите свои деньги, – это да, это интересно.

Мы шли по прекрасной набережной. На яхтах и на зем-

ле – везде горели неяркие разноцветные огоньки. Людей было много вокруг, и все они как один довольные, улыбающиеся, расслабленные – словно в nirване. Тёплый воздух, легкий ветерок с моря, тихая музыка, качающиеся на воде яхты. «А ведь хорошо!» – сказал Александр.

Ему и в голову не приходило, что я ничего хорошего во всём этом не нахожу.

Моей родственнице Ляле Колкер – она педиатр – стукнуло 70. Такие даты в Израиле принято отмечать в ресторане. Но юбиляров много – а ресторанов не хватает. Ляля заказала ресторан, но отмечать юбилей пришлось спустя 2 месяца после её дня рождения. Очередь – ничего не поделаешь.

Израильтяне ходят в рестораны, они кушают. Они кушают питательно и вкусно. Они в большинстве своём люди неизмождённые, в меру упитанные.

Какой, надо сказать, удивительный контраст с тем, что было ещё совсем недавно.

Я видел когда-то фото еврейского местечка, кажется, где-то на границе Украины и Польши. Начало XX века. Торговец селёдкой с лотком идёт по пыльной улице. Мужчины собираются возле синагоги. Сколько среди них худых, тощих, со втянутыми щеками, словно с креста снятых.

Герой моего любимого еврейского писателя Башевиса-Зингера, юноша Барух, живущий у своего тестя, богатого человека, у которого за обедом принято класть в бульон

вареное яйцо – невиданная роскошь! – вспоминает, как он обедал дома. Вот как: отрезал толстый ломоть хлеба (хлеб у них пекли на две недели), натирал его чесноком и запивал водой из колодца. Вот и весь обед.

Так, как мы с Марией Яковлевной и Александром поужинали в Герцлии, 150 лет назад питались только аристократы – ну ещё магнаты какие-нибудь.

Прогресс! Явный прогресс! Учительница и инженер – я вам напомню. Прямо по Райкину: «Как простой инженер!»

Да, прогресс. Но направление этого прогресса довольно странное. Вместо того, чтобы освободить максимум времени и сил на духовное, люди тратят всё время и все силы, чтобы сладко пожрать, устроиться с максимальным комфортом.

Странный прогресс.

Если же говорить об Израиле, то в том, как едят израильтяне, есть что-то нервно-пафосное. Они словно убеждают себя: мы не напрасно сюда приехали! Это не принятие пищи – а акт самовнушения. Пусть нас со всех сторон окружают враги. Пусть большую часть года нас сжигает яростное солнце. Но – мы не напрасно сюда приехали! Мы таки теперь живём хорошо!!

Нет, я совсем не рад тому, что те евреи, жившие традиционной жизнью, часто бедствовали, жили материально трудно. Но почему такое гнетущее впечатление производит израильский праздник жизни? Почему так горько и грустно всё это видеть?

05/04/2012

«Бэсэдэр» – на иврите «всё в порядке». По-моему, это самое употребительное слово в Израиле. Говорится по всякому поводу и без всякого повода, превратилось почти в слово-паразит. Все улыбаются друг другу и говорят «беседер». У всех всё в порядке.

Чудесная страна!

Всегда и всюду меня больше всего интересовали дети, старики и животные.

Старики в Израиле ухоженные. Много очень старых людей, далеко за 80: в Стране Обетованной живут долго. Почему так, непонятно: климат ужасный. Может быть, это просто еврейское упрямство. Климат жуткий? Кругом враги? А мы будем жить долго!

Но странно. В России меня всегда тянуло к старым людям. Иногда потому, что они вызывают сочувствие: ведь им недолго уже быть здесь, с нами. Иногда они привлекают какой-то просветлённостью, удивительной душевной ясностью и чистотой, чем-то таким, что достигается лишь долгой жизнью, в самом конце земного пути. Иногда в стариках есть что-то детское.

Русские старики нередко выглядят заброшенными и несчастными. Их часто плохо лечат. Лидия Евгеньев-

на, наша соседка, несколько лет назад сломала ногу. Нога у неё срослась неправильно и перестала сгибаться. Ходит она с большим трудом, а ей лишь немногим больше 70-ти.

В России старики – это действительно старики. Они не скрывают своей старости. Их старость видна и понятна каждому.

В Израиле все старики, которых я видел, притворяются молодыми. Разумеется, всё равно всем ясно, что это старики. Но они бодрятся, стараются хорошо выглядеть. Я видел множество покрашенных старух, в брючках, бодро семенящих по улице. «Мы такие же, как все! Мы вовсе не старые!» – словно говорят они всем своим видом.

Но именно в Израиле я впервые в жизни не испытывал тёплого чувства, интереса к старикам. Меня не тянуло к ним так, как всю жизнь.

Дети и животные в Израиле тоже другие.

Меня всегда и дети, и животные любили. Какое-то безотчётное доверие я у них вызываю. Почему? Чем я заслужил такую популярность? Не знаю. Хотя правда, что я и сам очень люблю детей и животных.

Здесь, в Петрозаводске, мы с Гошей (это мой пёс) каждое утро гуляем по набережной. Рядом порт, где живёт стая бродячих псов. Один крупный, побольше моего Гоши, очень красивый: черный, с белой манишкой и белыми чулочками на передних лапах, шерсть у него длинная, волнистая, и хвост как султан. Этот пёс всегда подбегает ко мне и,

ласкаясь, прижимается к моим ногам. Он начал так делать по собственной инициативе, после того, как я однажды погладил его.

В карельских деревнях по улицам свободно бегают здоровенные псины, иногда – с молодого волка величиной. Но любого – можно погладить.

И такие же здесь дети. Они доверчивые. Контакт устанавливается мгновенно.

В Израиле и дети, и животные страшно недоверчивые.

У Марии Яковлевны я познакомился с её внуками: девочкой и мальчиком – и смешной подстриженной маленькой собачкой. Дети не говорят по-русски, но понимают. Я чужой человек, но пришёл с их бабушкой, с ней у меня явно дружеские отношения. Но ни мальчик, ни девочка не проявили ко мне никакого интереса. Когда же я стал их фотографировать, девочка смотрела на меня недоверчиво, даже подозрительно.

Собачка не давала себя погладить, убежала и лаяла. Она меня боялась.

И эти дети, и эта собачка живут в благополучнейшей семье, в атмосфере дружбы и любви. У них-то уж точно полный «беседер»!

По улицам того района Реховота (он называется Кирьят-Моше), где живут мои родные, бегают тощие кошки, порой попадается такая же тощая, маленькая собачка. Ни к одному из этих животных невозможно подойти – не под-

пускают. Кошки удирают, собаки лают и тоже удирают.

Я люблю бывать у Лидии Евгеньевны. Она живёт с мужем, Василием Ивановичем, в старом деревянном доме. И дом, и подъезд, и сама квартира, и мебель – старые, обшарпанные. Но удивительно хорошо и уютно у них. По стенам – рисунки, фотографии, какие-то смешные коврики с птичками на стенах, множество милых, бесполезных безделушек. И сами Лидия Евгеньевна и Василий Иванович как-то очень органичны своей квартире, и она им органична.

Василий Иванович увлекается махолётами. Это приспособление для полета, подобного полёту птицы. Крылья, которыми можно махать. Оказывается, во многих странах строят и испытывают махолёты, порой успешно. Одна из комнат их двухкомнатной квартирки, маленькая и узкая, занята махолётом. Огромные голубые крылья. Василий Иванович часто там сидит, что-то приделывает, пришивает.

Как там интересно!

Всё, что есть у них в квартире – неслучайно и связано с их жизнью. И семенная картошка в вёдрах, стоящая на полу в комнате, не кажется случайной и не мешает. Их окружают родные и любимые вещи, старые, как они сами – но дорогие тем, что среди них прошла вся их жизнь. Эти вещи живые – потому что одухотворены привязанностью к ним людей, их хозяев. И квартира эта живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.